

— И сколько же ты выручил, раз так сияешь? — Дин Тянь налил ему пиалу горячей воды.

— Целый лян серебра! — Линь Ци совершенно не умел держать язык за зубами. — Хе-хе, целый лян!

Для слуг управы подобные подачки были обычным делом — на таких взятках и поборах слуги управы только и наживались, заколачивая монету на стороне.

— Ну надо же, — Дин Тянь пододвинул к нему тарелку жареных семечек, зная его слабость к этому лакомству.

— Слыхал, самому уездному судье отвалили аж двести лянов, личным советникам — по тридцать на брата, а тем, кто ловил тех двоих, выдали по пять лянов награды! Даже мне перепал целый лян за хлопоты... — При этих словах глаза Линь Ци жадно заблестели.

— И когда ты успел превратиться в такого сребролюбца? — усмехнулся Дин Тянь. — Тебя ведь раньше только сплетни интересовали.

— Мне теперь копить надо. Выкупать кое-кого, — Линь Ци бережно припрятал монету.

— Выкупать? — опешил Дин Тянь.

— Хочу выкупить Цуйюнь и взять в жены, — глаза Линь Ци так и заискрились от мечтаний. — Родится у нас дочурка, такая же красавица, как она...

— Цуйюнь? — Дин Тянь задумался. — Кажется, раньше её звали иначе?

— Раньше Хунъянь звали, она ходила за наложницей Жуюй. А потом... ну, сам понимаешь, бабьи дразги... В общем, определили её к госпоже. Та и сменила имя. Сказала, мол, Хунъянь — слишком легкомысленно, пускай зовется Цуйюнь. И платья ей велела шить сплошь сочно-зеленые, под стать имени. Но мне-то что? Хорошее имя. Как её ни назови, главное — она останется всё той же девицей, которую я полюбил.

Участь подневольных слуг всегда одна: ни фамилии у них нет, ни собственного имени — хозяйское слово закон, переименуют вмиг, и спорить не смей. Даже если назовут какой-нибудь Девкой-Замарашкой, всё равно придется гнуть спину и благодарить за великую милость.

— Ну, раз ты счастлив, то и ладно, — Дин Тяню нечего было возразить.

Линь Ци посидел еще немного. Редкий свободный час он целиком извел на разговоры о своей ненаглядной: какая она пригожая да искусная мастерица. Даже похвастался расшитым кисетом, который она для него смастерила. Заметив, что Дин Тянь лишь вяло поддакивает, не

особо вникая в его излияния, парень засобирался и ушел.

Дин Тянь не стал забивать себе голову чужими заботами и вернулся к делам. Как бы ни лютовала стужа, вечно отсиживаться на теплой печи не пристало.

На ужин он сварил густую кукурузную кашу, наскоро обжарил острую картофельную соломку с кислинкой и достал пару пресных пампушек-ворвоу. Скромная, но сытная трапеза была готова.

Отобедав без лишней суеты, Дин Тянь рано улегся спать. На здешнем северо-восточном морозе вода замерзала на лету — в такую темень только сумасшедший высунет нос наружу.

И пока юноша мирно спал, видя сладкие сны, наступила глубокая ночь.

Ночь выдалась темной и ветреной. Мрачные тени скользили по тюремному двору. Шестерых сторожевых псов лазутчики давно усыпили сонным зельем, и теперь им наконец удалось пробраться к камерам для особо опасных преступников.

— Господин!

Около десятка опытных бойцов бесшумно усыпили узников в соседних камерах. Лишь один человек, томившийся в самом центре темницы, бодрствовал и сохранял полную ясность ума. Вернее сказать, дешевое сонное зелье попросту не могло взять его закаленный организм. Увидев своего повелителя живым и невредимым, лазутчики едва не разрыдались от облегчения.

Вдруг сверху раздался приглушенный вскрик, и какой-то круглый, неуклюжий силуэт мешком скатился прямо с крыши. Северо-восточные морозы сковали черепицу скользкой коркой льда — бедолага стоял в дозоре, но не удержался и полетел вниз. К счастью, теплая зимняя одежда смягчила удар, и он отделался лишь испугом.

— Что ты творишь, идиот?! — один из заговорщиков в ярости вздернул упавшего за шкуру. — Проваливай отсюда!

Круглый лазутчик поспешно ретировался, стараясь не издавать ни звука.

Уголок губ Ван Цзо дернулся в едва заметной усмешке.

— Наконец-то явились?

— Господин! О господин! — один из прибывших сорвал с лица черную маску. — Мы обыскали вас, с ног сбились...

— Обыскались? Семь дней у вас ушло на то, чтобы доползти до этой дыры, — холодно фыркнул Ван Цзо. — По возвращении загоню вас на тренировках.

— Господин, вы, должно быть, натерпелись здесь за эти дни... эм...

Боец осекся. Одно дело — найти своего господина, и совсем другое — обнаружить его в казематах. Тюрьма во все времена считалась гиблым местом, лишенным малейшего уюта, но, бросив беглый взгляд на убранство камеры, пришедшие замерли. Здесь всё выглядело... поразительно пристойно.

— Сказать по правде, натерпелся я изрядно. Лишь последние пару дней жизнь стала похожа на человеческую, — Ван Цзо небрежно смахнул невидимую пылинку с рукава. — Раз уж отыскали меня, перейдем к делу. Лю Вэньбинь, пусть твои люди займутся вот чем...

Лю Вэньбинь — тот самый старший приказчик, у которого от переживаний уже все губы покрылись волдырями, — преданно склонил голову.

— Слушаю ваши приказания, господин, — отозвался он.

Несмотря на книжное имя, этот человек обладал не только острым умом, но и недюжинной силой.

Глубокой ночью в полумраке сырой темницы Ван Цзо, точно в собственном дворце, отдавал приказы, решая судьбы людей. А в это время Дин Тянь мирно посапывал под теплым ватным одеялом, совершенно не подозревая, какие заговоры плетутся у него под боком.

Закончив с неотложными поручениями, Лю Вэньбинь нерешительно спросил:

— Господин, не стоит ли мне оставить пару человек, чтобы они тайно оберегали вас?

— Сам-то посмотри вокруг, где тут прятаться? — холодно осадил его Ван Цзо. — Раскинь мозгами: если вы умудряетесь падать с крыш глухой ночью, то что будет днем? На фоне белого снега ваши черные лохмотья заметит любой зрячий. И какая, к чертям, слежка на таком морозе? Забыл, где находишься?

Северо-восточная зима шуток не любила. Попробуй поторчи на улице несколько часов кряду — в лучшем случае лишишься пальцев, в худшем замерзнешь насмерть. Даже закаленные пограничные дозоры укрывались в отапливаемых блокпостах у жаровен с углем, иначе караульные просто околели бы на посту. О какой тайной засаде могла идти речь?

Выслушав нагоняй и покорно сжавшись под грозным взглядом повелителя, Лю Вэньбинь наконец почувствовал облегчение. Стянув людей, он бесшумно скользнул прочь, раз и навсегда выбросив из головы глупую мысль оставить кого-то для охраны его высочества.

Впрочем, при всем желании приглядывать за князем в этих краях было невозможно. Свирепые зимние ветры Северо-Востока мигом выдували жизнь из любого, кто отважился бы стоять без движения на открытом воздухе.

<http://bllate.org/book/19387/1997484>